

M. Eva

В ее мечтах

18+

М. Eva

В её тени

<https://litres.ru/74467398>

SelfPub; 2026

Аннотация

После гибели сестры Карина уходит с головой в работу и добивается успеха. Всё течет в привычном русле, пока не появляется призрак из прошлого.

Содержание

Глава 1. Двое	4
Глава 2. Универ	8
Глава 3. Стажеровка	12
Глава 4. Одна	16
Глава 5. Новый город	19
Глава 6. Поддержка	22
Глава 7. Каприз	28
Глава 8. Поцелуй	32
Глава 9. Четырнадцатое февраля	35
Глава 10. Первый раз	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

М. Ева

В её тени

Глава 1. Двое

Нас с Инной часто путали. Не то чтобы мы были совсем одинаковые — нет, если присмотреться, различий хватало. У Инны лицо чуть круглее, у меня — острее. Она носила волосы до плеч, я — ниже лопаток. Но издалека, в толпе, в школьном коридоре — нас не разберёшь. Мы этим пользовались. Инна могла ответить за меня на географии, а я — за неё на литературе. Учителя подозревали, но доказать ничего не могли. Мы хихикали в коридоре после, прикрывая рты ладонями, и думали, что мы самые хитрые люди на свете.

Нас родили с разницей в 7 минут. Мама любила рассказывать эту историю: сначала появилась Инна — громко, с криком, будто сразу заявила о себе. Потом, через семь минут — я. Тихо, будто понимая, что опасности нет.

Наша семья жила в маленькой квартире на четвёртом этаже. Мы с сестрой делили комнату пополам и каждая половина отражала наше истинное я: моя кровать у окна, её — у двери. У меня на полке стояли книги, которые я честно читала, у неё — книги, которые она честно собиралась прочитать. На моём столе всегда был порядок и чистота, на её

столе валялась куча разных милых игрушек и фигурок.

Инна была из тех людей, рядом с которыми становится теплее. Когда на заходила в комнату — и комната становилась светлее. Она смеялась — и хотелось смеяться тоже. Она сердилась — и вокруг становилось тихо, как будто все ждали, пока буря пройдет. Банально звучит, но иначе не скажешь.

Я была другой. Я скорее наблюдала. Мне нравилось смотреть, как люди разговаривают, как двигаются, как прячут то, что чувствуют. Наверное, поэтому я и потянулась в журналистику. Мне хотелось задавать вопросы и слушать ответы. Инна говорила, что перерожденный следователь. Я не обижалась — это было правдой.

В школе у нас была одна компания на двоих. Мы не делили друзей — просто все наши друзья общались и с ней, и со мной, и между собой. Это было удобно: ни дня без компании, ни вечера без чьего-нибудь дня рождения, ни выходных без какой-нибудь глупой затеи.

Илья появился в этой компании естественно, как все. Он учился с нами с пятого класса, но по-настоящему мы с ним заговорили в седьмом, когда он помог мне донести коробку со школьными газетами до редакции. Редакция — это громко сказано: просто кабинет на втором этаже, где пахло клеем и старой бумагой. Но мне он казался настоящим редакционным офисом. Я делала стенгазету. Не потому, что нравилось рисовать — а потому, что нравилось писать заметки.

Илья молча взял у меня коробку, донёс до кабинета, поставил на стол и сказал: «Готово». Я даже не успела поблагодарить, как он быстро ушёл. Это было так похоже на него — сделать и уйти, не дожидаясь «спасибо».

Потом я заметила, что Инна смотрит ему вслед. Не так, как смотрят на одноклассника. Иначе. Я тогда не придавала этому значения. Подумала — ну, симпатия. Бывает. У всех бывает.

Но у Инны это не было симпатией. Это было что-то гораздо большее.

Я поняла это позже, когда они с Ильёй уже были вместе. Это случилось просто: на школьном вечере, в пятницу, под какую-то медленную песню, он подошёл к ней и спросил: «Потанцуешь?» Она кивнула. Они танцевали, и я стояла у стены с пластиковым стаканчиком сока, смотрела на них и думала: хорошо. Мне было хорошо за неё. Правда. Без зависти, без горечи — просто хорошо.

Потом они целовались за школой, он провожал её домой и помогал нести сумку. Она прилетала в комнату с горящими глазами и шептала мне: «Карин, он такой... он...» — и не находила слов. А я улыбалась и говорила: «Я вижу».

Илья стал частью нашей жизни. Не третьим колесом, не приложением к близняшкам — полноценной частью. Он вписался, как вписывается последний пазл в картину: без него было незаконченно, с ним — цельно. Он был спокойный, надёжный, немногословный. Инна была его противополо-

ложностью — громкая, быстрая, эмоциональная. И именно поэтому они подходили друг другу. Она давала ему энергию, он давал ей опору.

Мы втроём гуляли, сидели в кафе, ходили в кино. Илья и Инна держались за руки, а я шла рядом и не чувствовала себя лишней. Он никогда не давал мне это почувствовать. Никогда. Может, именно поэтому.

Когда мы закончили школу, вопрос «куда дальше» решил-ся почти без споров. Я — на журналистику. Инна и Илья — на IT. В один университет в котором нам всем предстояло жить дальше.

Мы поступили. Все трое. Инна радовалась так, что соседи стучали по батарее — требовали тишины. Илья прибежал к нам с широкой улыбкой держа в руках письмо о зачислении. Я смотрела на них и думала: вот оно. Наша жизнь. Начинается.

Глава 2. Универ

Университет оказался не таким, как я себе представляла.

Я думала, что журфак — это сплошные интервью, репортажи, командировки. Оказалось — сначала теория. Много теории. Теория массовых коммуникаций, история печати, основы редактирования. Я сидела на лекциях и скрипела зубами, но терпела. Потому что понимала: чтобы потом задавать правильные вопросы, нужно сначала знать, как устроен мир, в котором ты их задаёшь.

Инне и Илье было проще. Они сразу нырнули в код, в алгоритмы, в проекты. Инна мне рассказывала про свои лабораторные так, будто это были приключения. Я не понимала половины слов, но кивала и радовалась вместе с ней.

Жили мы в общежитии. Я — в одном корпусе, они — в другом. Между корпусами — пять минут пешком через парк. Осенью парк был золотым, зимой — белым, весной — грязным. Мы ходили по одной и той же тропинке каждый день, и она стала нашей тропой. Инна говорила, что если поставить на ней табличку «Тропа близняшек», никто не удивится.

Наша компания разрослась. Появились Лера с филфака, Максим с физмата, Дима — сосед Ильи по комнате. Мы собирались на кухне общежития, варили пельмени, спорили о фильмах, пели под гитару, когда Дима не забывал настроить

струны. Это было хорошее время. Простое. Без драмы.

Я тогда ещё не признавалась себе в том, что чувствовала к Илье. Вернее — признавалась, но в формате «ну, он просто нравится». Как может не нравиться человек, который красивый, умный, спокойный и при этом рядом? Но я держала это в себе. Запирала на замок. Потому что он — Иннин. И это было свято.

Инна подозревала? Не знаю. Мы не говорили об этом. Может, она что-то видела, а может — нет. Я старалась не выдавать себя. Не смотреть на Илью слишком долго, не смеяться слишком громко над его шутками, не искать повод остаться с ним наедине. У меня получалось. Почти.

Был один момент, который я запомнила навсегда. Мы втроём возвращались из кино, поздно, в темноте. Инна шла чуть впереди, что-то рассказывала и жестикулировала. Я отстала на шаг — просто устала, не специально. Илья тоже замедлил шаг и шёл рядом со мной. Не сказал ничего особенного. Просто: «Ты сегодня тихая». Я ответила: «Всё нормально». Он посмотрел на меня — мельком, в пол-оборота — и сказал: «Нормально — не ответ».

Я промолчала. Потому что если бы ответила честно, пришлось бы сказать то, что я не имела права говорить.

Поклонников у меня было достаточно. Я не хвастаюсь — это просто факт. Журфак, общежитие, вечеринки: кто-то всегда оказывался рядом, кто-то провожал, кто-то дарил кофе. Лёша с первого курса писал мне стихи. Женя с третьего

приглашал на каждые субботние танцы. Какой-то парень отправлял мне анонимные записки через почтовый ящик в общежитии. Я читала, улыбалась, но вежливо отказывала. Не потому, что они были плохие — нет, некоторые были вполне симпатичные. Просто сердце было занято. Занято тем, кем не запрещено.

Инна злилась на меня за то, что я ни с кем не встречаюсь. Говорила: «Карин, ты молодая. Живи полной жизнью. Встречаться это здорово. Выбери когонибудь. Хоть того поэта, хоть танцора». Я пожимала плечами и говорила: «Не хочу». Она качала головой: «Ты кого-то ждёшь?». Я отвечала: «Никого не жду».

Мы не говорили об этом. Близнецы — это не только интуиция, это ещё и умение молчать о том, о чём молчать необходимо.

К третьему курсу я втянулась. Писала статьи в студенческую газету, потом — в городскую. Мне дали колонку. Маленькую, на полстранички, но мою. Я подписывалась «К. Соколовская» — звучало солиднее, чем «Карина Соколова». Инна вырезала все мои публикации и клеила на холодильник. Илья говорил: «Скоро будешь знаменитой». Я смеялась: «Скоро ты будешь тем, кто говорит „я её знал“». Он усмехался: «Я и есть тот, кто её знает».

Это тоже запомнилось. Не потому, что было особенным — а потому, что было правдой. Он знал меня. По-настоящему. Инна знала меня как сестра, а он — как человек со сто-

роны, который смотрел внимательно.

Последний курс. Всё было впереди. Всё должно было быть хорошо.

Глава 3. Стажеровка

О стажировке я узнала в октябре. Преподаватель по телевизионной журналистике вызвала меня после пары и сказала: «Карина, есть программа. В Петербурге. Сеть „калейдоскоп“. Они ищут молодых, толковых. Я порекомендовала тебя. Думай».

Я думала три дня. Три дня между «это шанс всей жизни» и «это значит уехать». Уехать от Инны, от Ильи, от нашей тропы через парк, от пельменей на кухне, от всего, что было домом.

Инна узнала первой. Я не могла не сказать ей — мы делили всё. Она выслушала, помолчала минуту и сказала: «Ты поедешь».

— Как ты можешь так спокойно?

— Потому что я знаю тебя. Ты будешь мучиться, если не поедешь. А мучиться тебе не нужно.

Я обняла её. Она обняла в ответ. Мы стояли в коридоре общежития, и мимо нас проходили люди, а мы просто стояли и молчали.

Илья отнёсся к новости по-своему: «Ты справишься. Ты всегда справляешься». Он не уговаривал ни остаться, ни уехать. Просто верил в меня. Это было его способом поддержать.

Документы нужно было подать в начале декабря. Собесе-

дование — в Петербурге, личное. Я готовилась: писала мотивационное письмо, собирала публикации, тренировалась отвечать на вопросы перед зеркалом в ванной. Инна помогала мне изображая интервьюера. Всё было готово. Вылет — девятого декабря.

Восьмого декабря я отравилась.

Не знаю, чем. Возможно йогурт, из университетской столовой, который я принесла и забыла на столе. Не важно. Важно то, что к вечеру я лежала на кровати и не могла встать. Температура, рвота, головокружение. К утру девятого — ещё хуже. Я не могла держать телефон в руках.

Инна сидела рядом и смотрела на меня. Я видела её лицо — бледное, напряжённое. Она кусала губы.

— Документы, — сказала я. — Завтра последний день.

— Знаю.

— Если я не подам — всё. Не будет стажировки. Не будет «Калейдоскопа». Не будет ничего.

— Знаю, Крин. Знаю.

Она встала, походила по комнате, потом остановилась и посмотрела на меня. И я увидела в её глазах то, что видела всегда, когда она что-то решила: твёрдость. Каменную, непреклонную твёрдость.

— Я полечу вместо тебя.

Я попыталась сесть. Не получилось.

— Ты с ума сошла.

— Нет. Я всё знаю. Что говорить, что показывать. Я была

на всех твоих репетициях. Я видела, как ты отвечала перед зеркалом. Я пройду.

— Инна, это не репетиция. Это собеседование. Там серьёзные люди. Если они поймут, что ты не я...

— Не поймут. Мы же близнецы, Крин. Я буду тобой. Один день. Один день — и всё.

— Нет.

— Да.

Она достала мой паспорт. Моё платье — то, в котором я хотела идти на собеседование. Мою папку с документами. Она разложила всё на кровати, как солдат раскладывает форму перед боем.

— Я похожа на тебя?

— Ты и есть я.

— Вот именно.

Она улыбнулась. Той улыбкой, которую я знала с детства: «спорить бесполезно».

Я должна была остановить её. Я должна была сказать: нет, не лети, мне не нужна стажировка, мне нужна ты. Я должна была набраться сил, встать и забрать у неё паспорт. Но я не смогла. Лихорадка держала меня в кровати, как ремни.

— Инна, — сказала я, и голос был слабый, как шёпот. — Пожалуйста.

— Я вернусь завтра вечером. С тебя ужин.

Она поцеловала меня в лоб. Подхватила папку. Вышла. Я слышала, как она сказала в коридоре: «Карина спит, не

трогайте её» — и дверь закрылась.

Больше я её не видала.

Глава 4. Одна

Самолёт разбился в четырнадцать сорок три.

Я узнала об этом в шестнадцать. Мне позвонила мама. Она не смогла сказать нормально — просто кричала в трубку что-то, что я не могла разобрать. Потом пришло сообщение от МЧС. Потом — новости.

Я не помню следующие несколько дней. Не потому, что забыла — потому что мозг отключился. Люди вокруг говорили что-то, кормили меня, давали воду, укладывали в постель. Я не ела. Не пила. Не двигалась. Просто лежала и смотрела в потолок.

Илья пришёл на второй день. Я слышала его голос в коридоре: «Где она? Пустите меня к ней». Потом он был рядом. Сидел на кровати, держал за руку.

Мы молчали. Долго. Может, час, а может дольше. За окном шёл снег. Обычный декабрьский снег, который ложился на подоконник и таял.

Её похоронили через четыре дня. Я была на похоронах. Не помню деталей — помню только, что было много людей и холодно. Мама упала в обморок. Папа держался, но к концу ушёл за угол, и я слышала, как его ревёт.

Илья стоял рядом со мной всю церемонию. Не плакал. Его лицо было таким, будто вырубили из камня. Я думала: он сломается потом, когда останется один. И я не ошиблась —

через неделю его видели в баре, пьяного, молчащего, сидящего над стаканом.

Я винила себя. Не в том смысле, в каком люди говорят «я виню себя» и потом идут дальше. Нет. Я знала, что это моя вина. Моё отравление. Моя стажировка. Мой паспорт.

Это была самая страшная мысль — не то, что она погибла, а то, что я позволила ей погибнуть. Что я лежала в кровати, пока она летела в самолёте, который должен был быть моим.

Илья не обвинял меня. Он никогда не сказал ни одного слова обвинения. Но я видела его глаза — и в них была пустота. Не злость, не обида — пустота. Как будто из него вынули что-то, и на это место ничего не поставили.

Через три недели я приняла решение. Точнее, оно приняло меня — я просто перестала сопротивляться.

Я уеду.

Куда — неважно. Подальше. Туда, где нет нашей комнаты, нашей тропы, нашего парка, где Инна не стоит за углом с горящими глазами. Туда, где я не буду близняшкой без половинки.

Я собрала вещи за один вечер. Два чемодана — один с одеждой, второй с книгами и папкой, в которой лежали все мои статьи. Иннины статьи на холодильнике я не сняла. Не смогла. Пусть остаются.

Илья узнал последним. Я написала ему уже в поезде: «Уезжаю. Не ищи меня. Пожалуйста».

Он не ответил.

Глава 5. Новый город

Я приехала в Москву.

Не в Петербург — туда, куда должна была лететь на стажировку. В Москву. Потому что Петербург теперь звучал больно.

Москва приняла меня, как принимает всех — равнодушно и шумно. Она не спрашивала, кто я, откуда, что случилось. Ей было всё равно. И именно это равнодушие было мне нужно.

Сначала я жила у знакомой знакомой — на раскладушке в однокомнатной квартире на окраине. Потом сняла комнату. Потом — койку в квартире с тремя чужими девчонками. Я не искала уюта. Мне нужен был только угол, куда можно прийти после работы и упасть.

Работу я нашла на второй неделе. Не телевизор — куда мне было до телевизора. Местная газета. Районная. Я писала о ремонте дорог, о школьных праздниках, о кражах и пожарах. Давала заметки по две-три в неделю. Платили мало. Я не считала деньги — считала строчки. Чем больше строчек, тем меньше времени думать.

Потом был сайт. Интернет-издание. Я вела колонку о городских событиях — те же дороги, те же праздники, только в цифровом формате. Потом — подкаст. Маленький, на полчаса, где я говорила обо всём подряд: о книгах, о кино, о

том, как люди ходят по улице и чего боятся.

Подкаст неожиданно выстрелил. Не сразу — постепенно, месяц за месяцем. Сначала сто слушателей, потом тысяча, потом пять. Люди писали мне в личные сообщения: «Спасибо, ваша запись помогла мне не сойти с ума в пробке». Я читала эти письма и не знала, что отвечать. Мне-то подкаст помогал не сойти с ума по-другому.

Через год меня позвали на местное телевидение. Маленький канал, районный, с крошечной студией и одним ведущим на два выпуска в неделю. Я была гостем — рассказывала о городе. Потом меня попросили вести рубрику. Потом — выпуск.

Я соглашалась на всё. Не из амбиции — из страха остановиться. Остановка означала тишину, а в тишине ждала Инна. Не голос, не призрак — просто ощущение. Пустота на её месте. Я не могла с этим справиться, поэтому работала.

Год прошёл. Второй. Третий. Каждый год — как этаж в здании, которое я строила. Фундамент — районная газета. Первый этаж — подкаст. Второй — районное ТВ. Третий — приглашение на городской канал. Четвёртый — собственная программа.

К четвёртому году обо мне знали. Не все — но многие. Меня узнавали на улице. Просили сфотографироваться. Писали в соцсетях. У меня появились поклонники — настоящие, преданные, которые смотрели каждый выпуск и спорили о моих словах в комментариях.

К пятому году после Инны — я стала тем, кем мечтала стать. Телеведущая. Не районного канала — федерального. Собственное шоу, в котором я говорила с людьми о их жизнях. Знаменитости, политики, обычные люди с необычными историями. Меня смотрели миллионы. У меня была фанбаза, связи, бюджет, команда.

Я достигла всего, о чём мечтала. И ничего из этого не имело значения.

Потому что ночью, когда камеры выключались, когда грим смывался, когда свет гас, я оставалась одна. С пустотой на месте, где должна была быть Инна. С чувством вины, которое не стиралось ни успехом, ни усталостью, ни годами.

Я жила. Но не существовала ли я только для того, чтобы оправдать её смерть?

Этот вопрос я задавала себе каждое утро. И каждое утро вставала, одевалась, шла на работу. Потому что другого ответа у меня не было.

Глава 6. Поддержка

Это началось в марте.

Обычный вторник. Я приехала на студию к девяти, как всегда. В руках — кофе, в голове — сценарий сегодняшнего выпуска. Охранник у входа — Серёга, огромный, добродушный мужик — окликнул меня:

— Карина Сергеевна, вам тут.

На стойке у охраны стояли цветы. Белые розы, штук пятнадцать, без лишней упаковки — просто собранные, будто их срезали и сразу завернули в простую крафтбумагу. И карточка. На ней — аккуратный, спокойный почерк, без подписи:

«Сегодня лучший день, чтобы быть счастливой. Даже если ты сама в это пока не веришь».

Я перечитала это дважды. Потом посмотрела на Серёгу.

— Кто принёс?

— Курьер. Сказал — передать лично.

— Какой сервис?

— Да я не смотрел. Парень молодой, на велосипеде. Всё, что помню.

Я повертела карточку в руках. Почерк незнакомый. Но слова... они не царапали, не давили. Наоборот — будто кто-то тихонько подтолкнул в спину: «Ну давай, ты справишься».

Цветы я поставила в вазу на столе. Не в центре, а чуть сбоку, чтобы не мешали бумагам. И, странное дело, весь день они будто грели угол комнаты.

Через два дня — снова. Опять белые розы. Другая карточка:

«Вчера ты была великолепна в эфире. Не знаю, что там у тебя внутри творилось, но снаружи ты была как человек, который знает, куда идёт».

Я улыбнулась. Совсем чуть-чуть, сама себе. И подумала: «Ладно. Пусть будет так».

Потом — ещё. Каждый третий день, иногда через день. То розы, то лилии, однажды — веточка эвкалипта с парой маленьких белых бутонов, будто кто-то собирал букет наугад, но с мыслью.

И записки — все такие. Теплые.

«Мне показалось, что тебя что-то тревожит. Если это так — ты имеешь право устать. А завтра можно будет начать заново».

«Жизнь — сложная штука. Но ты справляешься. Даже когда тебе кажется, что нет».

«Иногда достаточно просто дойти до вечера и не сдаться по дороге. Ты дошла. Это уже победа».

В них не было навязчивости. Не было «я не могу без тебя», не было драмы. Просто кто-то замечал. Кто-то видел мой эфир. Кто-то смотрел и думал: «Ей сейчас, наверное, непросто». И вместо «привет» отправлял эти маленькие тёп-

лые слова.

Я показала карточки продюсеру — Костя, вечно невыспавшийся, с красными глазами, взял одну, прочитал, хмыкнул:

— Ну, это точно не фанат. Фанаты пишут: «Ты богиня», «Я тебя люблю», «Выходи за меня». А тут... будто взрослый человек пишет.

— Думаешь, кто-то из наших?

— Не знаю. Но если это кто-то чужой — он очень внимательный.

Костя хотел пойти к охране, что-то выяснить. Я покачала головой:

— Не надо. Пусть будет.

Он посмотрел на меня с сомнением:

— Ты уверена?

— Уверена. Эти слова... они как чашка чая в холодный день. Просто согревают.

И правда. Я ловила себя на том, что жду этих дней. Не специально, но в голове щёлкало: «Сегодня вторник. Может, опять принесут». И когда приносили — становилось как будто светлее.

Я не собирала их в коробку, не прятала. Просто складывала в ящик стола, чтобы не валялись на виду. Иногда вечером доставала, перечитывала. И думала: «Кто бы ты ни был — спасибо».

Прошёл месяц. Потом два. Потом три. Цветы не прекра-

щались. Записки оставались такими же — простыми, приободряющими, будто кто-то тихо подбадривал меня из темноты.

«Ты делаешь важное дело. Даже если кажется, что это просто слова в эфире».

«Не обязательно быть сильной каждую минуту. Можно быть сильной по чуть-чуть. Ты так и делаешь».

Иногда я улыбалась, читая. Иногда чуть не плакала — не от грусти, а от того, что кто-то заметил, как мне бывает тяжело, и не стал делать вид, что всё в порядке. Он просто сказал: «Я живу. И ты справишься».

Год. Целый год эти маленькие послания приходили каждые несколько дней. Год, когда кто-то, кого я не знала, каждый раз будто распахивал в моей душе маленькую весну. Не громкую, не яркую — тихую, как первые почки на ветках, которые замечаешь только если смотришь внимательно.

За этот год я не стала меньше уставать. Но я стала чуть меньше бояться этой усталости. Потому что где-то был человек, который верил, что я справляюсь. Даже когда я сама в этом сомневалась.

Я стала ждать этих записок не как тайны, а как чего-то хорошего. Как письма от друга, которого никогда не видела.

Последнее письмо пришло в марте. Ровно через год после первого. Не карточка, а целый лист. И в конце — приглашение.

«Я долго писал эти записки. Не для того, чтобы что-то

получить. Просто мне хотелось, чтобы в твоём дне было хоть немного тепла. Если ты читала их — значит, они не пропали зря.

Если ты готова — давай встретимся. Не как герой и поклонник. Просто как два человека, которым есть о чём поговорить.

Суббота, 19:00. Кафе Каприз на Покровке. Я буду за столиком у окна».

Кафе «Каприз» на Покровке. Я знала это место — маленькое, тихое, с книжными полками вместо обоев. Не бар, не ресторан — просто кафе. Место, куда приходят поговорить.

Я должна была сказать «нет». Должна была отдать письмо охране, вызвать полицию, прекратить это. Человек, который год присылает тебе цветы и записки, — это не нормальная ситуация. Я это понимала. Я была неглупая.

Но в записках не было угроз. Не было «я тебя люблю», «ты мне нужна», «я не могу без тебя». Было — «ты справишься». Было — «мне хотелось, чтобы в твоём дне было хоть немного тепла». Это другое. Это ближе к тому, как чувствую я сама. И мне хотелось чтобы кто-то произнес эти слова вслух.

Может, поэтому я сказала «да».

В субботу я надела простое платье — серое, ниже колена. Никакого макияжа, кроме туши. Волосы собрала в хвост. Я хотела быть собой. Не Кариной с экрана, не телеведущей, не знаменитостью — собой. Кем бы я ни была после пяти лет молчания.

Я пришла в «Каприз» в 18:50. Народу было немного — пара за дальним столиком, девушка с ноутбуком у стены. Я села за столик у окна. Заказала кофе. Стала ждать.

В 19:00 дверь открылась.

Я увидела его и поняла, что знала. Где-то глубоко, в том месте, куда я заперла всё, что было связано с прошлым, — я знала. И всё равно — увидела, и сердце остановилось.

Он изменился. Стал тоньше, суше. Линии лица — резче. Глаза — те же. Спокойные, внимательные, тёмные. Он был в чёрной рубашке, джинсах, без куртки. Мартовский ветер трепал волосы.

Он подошёл к столику. Сел напротив. Не сказал «привет». Просто смотрел.

— Илья, — сказала я.

— Карина, — ответил он.

И всё. Одно имя — и пять лет между нами будто сжались в точку.

Глава 7. Каприз

Мы с Ильёй сидели друг напротив друга и молчали. Кофе остывал. За соседним столиком девушка закрыла ноутбук и ушла, звякнув дверью. В кафе стало тише.

Я смотрела на него и пыталась собрать себя по кусочкам — потому что в ту секунду, когда он сел напротив, я будто рассыпалась. Все эти пять лет я держала спину прямо, говорила в камеру уверенным голосом, а тут не могла выдать даже «как ты?».

— Ты изменилась, — сказал он наконец. Голос у него был такой же — спокойный, будто ничего не случилось. Только пальцы чуть дрогнули, когда он поставил локоть на стол.

— А ты — нет, — ответила я. И это было правдой. Он всё ещё был тем самым Ильёй: тем, кто не торопится, не кричит, не размахивает руками. Тем, кто сначала смотрит, потом говорит.

Он чуть улыбнулся. Совсем чуть-чуть, уголком рта.

— Снаружи — да. Внутри — всё другое.

Я кивнула. Про «внутри» я понимала.

— Зачем ты это делал? — спросила я. — Год. Цветы. Записки. Ты мог просто написать. Позвонить.

— Мог. — Он помолчал. — Но если бы я позвонил, ты бы сбросила. Или ответила: «Не надо». А так... ты читала. Ты думала. Ты не могла просто нажать «отбой».

— Это нечестно, — сказала я, и в голосе прозвучало больше обиды, чем я хотела.

— Знаю, — спокойно ответил он. — Но я не знал, как по-другому. Мне нужно было сказать что-то. Не тебе — вообще. А ты — единственный человек, до которого я хотел донести.

Я обхватила чашку ладонями, чтобы они не тряслись.

— Почему именно сейчас? Почему через год?

— Потому что год — это срок. Я дал себе год. Если за год ты не скажешь «хватит» и не порвешь хоть одной записки, значит — стоит прийти.

— А если бы я порвала?

Он пожал плечами.

— Тогда бы я прекратил.

Я хотела сказать что-то резкое — но не нашла что. Он не набивал себе цену, просто говорил, как есть.

— Ладно, — сказала я. — Ты пришёл. Я пришла. Что дальше?

— Дальше — разговор. Если ты хочешь.

— О чём?

— Ни о чём важном. Просто — разговор.

И мы начали разговаривать. Не о прошлом — о настоящем. О работе, о городе, о том, как Москва меняется каждый год и как ты привыкаешь к этому и перестаёшь замечать. Он рассказывал про свою компанию — маленькую, занимается веб-приложениями, десять человек, открытый офис, пицца по пятницам. Не хвастался, не жаловался — просто расска-

зывал. Как человек, который давно ни с кем просто не разговаривал.

Я тоже рассказала. Про студию, про команду, про то, как Костя три ночи не спал из-за сбойного сюжета, и как мы в итоге пустили его в эфир с одной камерой и скотчем на штативе. Илья слушал и усмехался, и я поймала себя на том, что мне хорошо. Просто — хорошо. Не страшно, не тяжело, не больно. Хорошо.

Мы просидели в «Капризе» почти два часа. Говорили про книги — оказалось, он читает то же, что и я, но делает это медленнее, потому что «проглатывать — нечестно по отношению к автору». Говорили про кофе — он признался, что год пил только растворимый, потому что «заваривать — это ритуал, а ритуал требует, чтобы дома кто-то был». Говорили про погоду, про людей, про то, как странно, что в большом городе можно быть более одиноким, чем в маленьком.

Ни одного слова о прошлом. Ни одного имени. Мы обходили это место, как обходят открытый люк на улице: осторожно, не глядя.

Когда вышли на улицу, было уже темно. Город шумел, фонари горели, ветер трепал волосы. Илья остановился, посмотрел на меня и сказал:

— Можно я провожу?

Я подумала секунду. Не про опасность — я знала, что он не причинит мне вреда. Про себя. Про то, готова ли я снова впустить кого-то в свою жизнь.

— Да, — сказала я. — Проводи.

И мы пошли по улице. Молча, но по-другому — не как в тишине, а как в паузе между фразами, когда оба знают, что будет ещё слово, просто не сейчас.

На прощание он сказал:

— Можно я напишу тебе? Не цветы. Просто — сообщение.

— Можно, — ответила я.

Он кивнул. Развернулся и ушёл.

Я стояла у подъезда и смотрела ему вслед. И думала: вот так начинается что-то новое. Без громких слов, без обещаний. Просто — два человека, которые устали молчать.

Глава 8. Поцелуй

После встречи в «Капризе» Илья не написал. Ни на следующий день, ни через день. Я заставляла себя не смотреть в телефон, но взгляд сам туда скользил.

Среда. Утро. Вибрация на столе, пока я дочитывала сценарий. Одно сообщение: «18:00. Каприз». Без лишних слов, просто факт, к которому я уже была готова.

Я ответила: «Ок».

В 18:00 я была в «Капризе». Он сидел за столиком у окна, в той же чёрной рубашке, спокойный, будто и не было этой тишины между нами. Встал, когда я вошла. Кивнул. Мы сели, заказали кофе, и разговор пошёл — про работу, про город, про мелочи, которые вдруг стали важными, потому что мы их обсуждали вдвоём.

Когда выходили, он просто сказал:— В среду. Не вопрос, а утверждение. И я кивнула, будто это самое естественное в мире — встречаться по средам.

Так и пошло. Сначала среды, потом добавились понедельники. Потом он стал встречать меня у студии — сначала иногда, потом чаще. Я не замечала, как это превратилось в привычку: выйти из дверей, увидеть его у дерева, чуть в стороне, не машущего, не кричащего, просто ждущего. И идти рядом, иногда молча, иногда болтая о ерунде, и чувствовать, что этот ритм — уже стал родным.

Это случилось в четверг. Мы шли от студии к моему подъезду, я что-то рассказывала — про Костю, про монтаж, про то, как всё валилось из рук, а он слушал.

У подъезда я повернулась, чтобы сказать «спокойной ночи», и в ту же секунду он шагнул ко мне. Быстро, не давая возможности среагировать. Взял моё лицо в ладони — которые были такими тёплыми, такими большими.

И поцеловал.

Его губы были нежными, но в этом поцелуе чувствовалась сила — властная, уверенная, будто он точно знал, что делает. Он не спрашивал, не предлагал, просто брал то, что захотел, а я спокойно отдала..

Я замешкалась всего на йоту и сразу закрыла глаза и ответила. Не осторожно, не боясь ошибиться. Как будто этот поцелуй был тем, чего мне не хватало все эти пять лет.

Внутри всё вспыхнуло. Он целовал так страстно, так одержимо, будто от этого зависла его жизнь. Будто этот поцелуй единственная капля воды в бескрайний пустыне, по которой он так долго блуждал.

Он отстранился первым — не резко, а постепенно, подарив еще несколько коротких прикосновений. Посмотрел на меня. Не улыбался, не извинялся, не оправдывался. Просто смотрел — спокойно, уверенно, будто всё шло как и должно.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответила я. Голос звучал чуть хрипло, как будто принадлежал кому-то другому.

Он развернулся и ушёл. Не оглянулся.

А я поднялась к себе, закрыла дверь, села на кровать в темноте и прижала пальцы к губам. Мне не верилось, что это произошло на самом деле. Я давно жаждала этого, и вот оно случилось. Он и я. Сердце билось не быстро, но громко, так что я могла его слышать. Я наконец-то чувствовала себя живой.

Глава 9. Четырнадцатое февраля

Со временем наши встречи стали просто частью жизни. Мы по-прежнему ходили в кафе, гуляли, держались за руки. На прощание целовались — сначала коротко, потом подольше, и каждый раз я не хотела первой отстраняться.

Мы не объявляли себя парой. Не было разговоров о статусе, не было «официальных» слов. Всё казалось понятно и так.

Но потом стало не хватать.

Я стала ловить себя на мысли, что хочу большего. Не громких признаний — а простой, настоящей близости. Хотелось засыпать и просыпаться не одной. Чтобы между нами не было вечного «до свидания» и холодных дверей.

Я приглашала его к себе. Не раз и не два, он каждый раз отказывался. Мягко, по-доброму, но отказывался. А я не настаивала, но каждый отказ садился где-то под рёбрами тяжёлым грузом.

На Новый год он уехал в родной город. Я встречала праздник с коллегами. Шампанское, хлопушки, чужие тосты — всё было нормально, но я думала только о том, как мне его не хватает.

А потом наступило 14 февраля.

И он позвал меня к себе.

Квартира у него оказалась небольшой и минималистич-

ной, но на удивление уютной. Светлые стены, много света, большой диван в гостиной, напротив телевизор на стене, а сбоку стеллаж с книгами.

Он усадил меня в гостиной, налил вина, а сам ушёл на кухню готовить. Я сидела с бокалом и слушала, как оттуда доносится стук ножа по разделочной доске, тихо шкварчит что-то на сковороде. Было спокойно. Я смотрела на его вещи — книги на полке, простой светильник у окна — и пыталась понять, что он за человек, когда один. Какой он здесь, без меня.

Потом мы сели за стол. Ужин был простой, но вкусный. Болтали обо всём — о работе, о каком-то фильме, о ерунде. Смеялись. Мне было хорошо.

После ужина включили фильм. Сели на диван, и я машинально придвинулась ближе, положила руку ему на колено — он не убрал, но и не ответил.

Я не понимала, в чём дело. Он сам меня пригласил. Сам выбрал этот вечер. И при этом сидел рядом, но на расстоянии, осторожный, как будто боялся чего-то.

Фильм шёл, а я почти не смотрела. Прокручивала в голове — может, я что-то делаю не так. Может, слишком тороплю. Может, ему нужно время. А может — просто не нужно.

Через полчаса я сдалась.

— Давай помогу с посудой, — сказала я и встала, забирая тарелки со стола.

Он кивнул, и мы оказались на кухне, бок о бок. Он мыл,

я вытирала. И вот тут, между раковиной и сушилкой, в тесной кухне с тёплым светом над столешницей, расстояние наконец исчезло. Просто потому что кухня была маленькая, и стоять рядом оказалось неизбежно. Наши локти соприкасались, он передавал мне тарелку и задерживал руку на секунду дольше, чем нужно.

Я молчала. Он тоже. И в этом молчании было больше, чем за весь вечер.

Глава 10. Первый раз

Я не выдержала.

Он стоял спиной ко мне, убирал тарелки в шкаф, и что-то в этом простом домашнем движении — в его спокойных руках, в его спине под тонкой футболкой — перевернуло во мне последний переключатель. Я шагнула к нему и обняла сзади, прижавшись щекой к его лопатке.

Он замер на секунду. Потом развернулся, легко, как будто давно ждал этого. Поднял меня за талию и усадил на столешницу. Я оказалась с ним на одном уровне, и он смотрел мне в глаза — долго, тихо, без улыбки. Потом наклонился и поцеловал.

И я сразу поняла, что что-то не так.

Поцелуй был слишком правильный - губы мягкие, ритм ровный, ничего лишнего. Но в нём не было жизни. Как будто он выполнял последовательность движений, выверенную и отрепетированную. Без порыва, без жара, без той дрожи, которую невозможно сыграть.

Я просунула руки ему под футболку, провела ладонями по тёплой коже спины. Он перехватил их мягко, но твёрдо и убрал. Я не сдалась. Закинула руки ему на шею, кончиками пальцев лаская кожу за ухом. Он снова перехватил не разрывая поцелуй. Завёл руки мне за спину, и крепко замкнул в своих ладонях.

И тогда меня сорвало.

Я рванулась, освободила руки, оттолкнула его от себя. Он отступил на шаг, и между нами повисло напряжение.

— Это неправильно, — сказала я. Голос дрожал, но я не могла остановиться. — Всё это выглядит неправильно. Я видела, каким ты был с ней. Как ты смотрел на неё — с любовью, по-настоящему. Как целовал с чувством. А со мной ты похож на куклу. Как будто выполняешь программу.

Я не хотела говорить это так резко. Но слова вышли раньше, чем успела их остановить. И может, это было к лучшему, потому что напряжение, которое наступило после, изменилось. Воздух вокруг будто заискрился.

Он смотрел на меня, и глаза потемнели, и в них вспыхнуло что-то жадное и голодное. Лицо стало другим. Острым. Дьявольски красивым.

— Ты хочешь, чтобы я был таким, как с ней? — тихо спросил он. — Хорошо.

Он шагнул ко мне. Расстегнул несколько пуговиц блузки отодвинул ткань оголив мои плечи. И заговорил, и каждое его слово сопровождалось действием, и я не могла ни двинуться, ни ответить.

— Показать тебе, как я целовал её шею?

Его губы на моей шее. Горячие, точные. Я закрыла глаза и прикусила нижнюю губу.

— Как целовал её плечи.

Его рот на моих плечах, на ключице, и я почувствовала,

как по всему телу прошёл жар, от которого свело ноги.

— Её губы.

Он поцеловал меня — и это был другой поцелуй. Живой. Тот, которого я ждала всё это время. Всё, что было до этого — неловкое, вымученное, механическое — исчезло. Остался только он, его рот, его руки, и я уже не понимала, где заканчиваюсь я и начинается он.

— Показать, как мои руки раздевали её? Как ласкали?

Его пальцы скользили по моей коже — медленно, уверенно, и каждый штрих был как слово в предложении, которое он доводил до конца. Моё тело содрогалось под его прикосновениями и отвечало мурашками. Подчинялась ему в этой странной, больной игре — потому что в ней он наконец стал настоящим. Пусть не со мной. Пусть через неё. Но настоящим.

И я ненавидела себя за то, что мне было всё равно.

Он взял меня за руку и повёл в спальню. Я шла за ним, босая, с его следами на коже, и сердце колотилось так, что я слышала его в ушах.

— Я покажу тебе, как входил в неё, — сказал он, не оборачиваясь. — Как нежно любил её до рассвета.

И он показал.

И вот тут что-то сломалось в правильном направлении. Поцелуи стали легче, мягче. Прикосновения — нежнее. Будто он устал от своей жестокой игры и забылся. Будто на какое-то время я перестала быть зеркалом, в котором он про-

игрывал прошлое, и стала просто собой. Его руки на мне были тёплыми и осторожными, он целовал меня так, как целуют не тело, а человека. Я впервые за весь вечер — нет, за всё время — почувствовала себя любимой. Не желанной — именно любимой. Как будто он наконец увидел меня, а не тень.

Я лежала в его руках, и внутри было тихо и горячо, и я думала: вот. Вот оно. Это то, ради чего всё стоило.

А потом он прошептал мне в ухо:

— Я хочу тебя, Инна.

Мир остановился.

Я не двигалась. Не дышала. Имя повисло в воздухе между нами — чужое, не моё — и всё, что было до этого, в одну секунду потеряло смысл. Его руки на мне, его губы на моей коже, его нежность — всё это было не для меня. Это была она. Всё время — она.

Я лежала рядом с ним и смотрела в потолок, и слёз не было. Только пустота — ровная, холодная, абсолютная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.